

# НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

## Опыт липецких школ рано сдавать в архив

**Традиции и новаторство... Старое и новое... Это вечные категории взаимодействия, взаимоисключения и... развития: новое когда-то непременно становится «старым».**

**При всей диалектичности этого процесса есть некая общая «формула новаторства», которую вывел поэт Наум Коржавин: «Я твёрдо убеждён, что всё хорошее — новое, и совсем не убеждён, что всё новое — хорошее. А то, что стремится быть новым, — априори плохое...»**

**Так как же нам относиться к «старому» опыту — на свалку его? А может, вернуться к нему, переосмыслить и увидеть в нём непреходящую ценность? Об отношении к педагогическому опыту, доказавшему свою научно-практическую состоятельность, — предлагаемая вам статья.**

**Проблему, поднятую в ней, весьма полезно было бы обсудить на одной из секций августовской конференции.**



Галина Суворова,  
руководитель  
лаборатории  
«Сельская школа»  
Института  
содержания  
и методов обучения  
РАО,  
доктор  
педагогических наук,  
профессор

Продолжить разговор о липецком опыте — массовом движении учительства в 60–70-е годы прошлого века — меня подвигла публикация в журнале «НО» № 4, 2002 г. В ней говорится: «Сейчас, после нескольких лет забвения, вновь повышается интерес учителей к педагогическим идеям и опыту К.А. Москаленко». Рискну возразить автору журнала, опираясь на личные впечатления и анализ нескольких сотен посещённых уроков: не было и нет забвения основных идей опыта липчан. Может, забыты сегодня имена, адрес опыта, но современные наши учителя до сих пор используют этот опыт, не связывая его ни с липецкими учителями, с Липецким педагогическим институтом и институтом усовершенствования учителей, ни с именами Константина Александровича Москаленко и Галины Ивановны Горской.

Мне повезло. До 1963 года я работала в Москворецкой средней школе подмосковного Ленинского района учителем словесности. Как многие учителя страны, слушала лекции К.А. Москаленко, осваивала новую организацию урока, сама давала открытые уроки для словесников Ленинского района.

Конечно, для нас главным в освоении нового были блестящие лекции Константина Александровича Москаленко и яркие уроки учительницы Галины Ивановны Горской.

Позволю себе напомнить те положения липецкого опыта, которые были осмыслены и успешно использовались учителями. Сегодняшний учитель не связывает свою *свободу в выборе структуры урока* с липецким опытом, не задумывается о том, что всего 50 лет назад структура всех уроков, независимо от их типов, учебного предмета, года обучения, была жёстко определена. 45 минут чётко распределялись поровну на вводную часть, опрос, объяснение нового материала, индивидуальный опрос по его усвоению, закрепление. Инспекторы всех уровней именно на это обращали особое внимание: на анализ содержания нужно немалое усилие, а внешняя, формальная, сторона урока — вот она, перед глазами. Жёсткая регламентация сковывала учителей, мешала обучению. Например, мы не могли начать урок с нового, а всегда и обязательно — с проверки, с опроса. Словесники, историки более других страдали от такой регламентации и чаще нарушали её, попадая «на карандаш» инспектора, а то и завуча школы. Предложение липчан сделать структуру гибкой в зависимости от целей урока, содержания материала было воспринято как рево-



люция. Но почему-то эту «революцию тогда не задушили — может, потому, что уж очень яркими, эффективными были уроки липецких учителей. Вот с тех пор и по настоящее время **структура урока остаётся гибкой**.

С такой же радостью мы встретили идею фронтального опроса и поурочного балла. В классах у нас учились по 40–47 школьников. Попробуйте хотя бы раз за урок выслушать каждого! Фронтальный опрос ощутимо помогал учащимся не тосковать в ожидании грозного: «Смирнов, к доске!» Учителю предоставлялась возможность слышать голос ученика на каждом уроке. Такое гуманное отношение к ребёнку — ответ с места, даже удачная реплика, — всё учитывается, вызывает ощущение успеха, повышает мотивацию.

И ещё одно, казалось бы, совсем малое новшество: при письменных работах, при чтении ученику позволялось не вставать, если вопрос учителя требовал однословного, лаконичного ответа.

Сегодня, по прошествии многих лет, когда учительству «дана воля» (хотя бы декларативно, чему мы можем только улыбнуться), мы не можем не оценить подвиг липецких учителей, вернувших в «педагогический оборот» методические приёмы своих дореволюционных коллег и педагогов 20–40-х годов. Не помню, чтобы в лекциях, в статьях липчан встречались выражения «интегрировать», «сверхзадача», «лично ориентированный урок» и т.п. Но всё это было в их работе. А разнообразные методы липецкие учителя использовали отнюдь не ради «оживляжа», а ради того, чтобы лучше, глубже донести до ребят тему.

Среди приёмов обучения — комментирование. Хорошо помню тускло-зелёные листочки, размноженные на ротаторе, — образцы полного, краткого, выборочного комментирования. Именно по этим образцам мы овладевали этим эффективным методическим приёмом. Современная дидактика значительно углубила и расширила суть и возможности комментированного обучения.

Липецкий опыт дал толчок новым отношениям науки и практики: учёные не ограничились своими базовыми школами, общением с учителями-экспериментаторами — они стали выступать с лекциями, проводить семинары по всей стране, давать уроки в «чужих» классах. То есть делали то, что сегодня называют «мастер-классом». Получило развитие педагогическое наставничество — очное и по переписке. А главное — учительство было вовлечено в творческий поиск. Наверное, это первое, рождённое не «в столицах и академиях» движение, поддержанное массой учителей.

Опыт школы, где завучем работала Галина Ивановна Горская, кафедры Константина Александровича Москаленко мог бы остаться и опытом одного учителя, одной школы. К счастью, при всех трудностях многочисленных проверок, при сомнениях и недоверии идеи липчан были поддержаны областным управлением народного образования. Тщательная — в течение полутора месяцев — проверка бригадой Министерства просвещения Российской Федерации нескольких десятков школ Липецка, Ельца, Лебедяни, сельских школ, в том числе начальных малокомплектных, показала, что опыт — не дутый фантом, не показуха. Результаты его потрясли воображение даже строгих проверяющих. Липецкий опыт был одобрен коллегией Минобразования. О результатах изучения докладывал руководитель инспекторской бригады начальник программно-методического управления Владимир Павлович Стрезикозин, профессионал высочайшего класса, имеющий высокий рейтинг, как мы теперь говорим, в глазах учительства России. Старое поколение управленцев и учителей хорошо помнят его: и необычную для тех времён бритую «под ноль» голову, быструю походку, чёткость и обоснованность суждений, требовательность, даже жёсткость в отношении к управленцам всех уровней (недобросовестного директора школы он мог снять с должности прямо на месте) и мягкость, заботу по отношению к учителю. Его книги «Инспектирование школ», «Урок в сельской школе» не потеряли актуальности и сего-



дня. Делаю это отступление о Владимире Павловиче только для того, чтобы читатель понял: предложить коллегии одобрить липецкий опыт он мог, лишь многократно наблюдая работу учащихся и учителей в школах, выбранных для изучения произвольно, «методом тыка» — случайной выборки и детального профессионального анализа результатов деятельности учителей.

Решение коллегии «одобрить и рекомендовать к внедрению» имело добрые последствия: липецкие учителя во главе с А.К. Москаленко разъехались по стране, показывая свои уроки, объясняя, что к чему, а учительство двинулось, словно в Мекку, в Липецкую область — поучиться мастерству, раскованности, творческой самостоятельности.

Был издан сборник статей о липецком опыте, сделан методический фильм: скрытая камера передавала «живые» уроки, а голос за кадром комментировал, разъяснял суть того или иного методического приёма, стиля новых для многих отношений «учитель — ученик». Редакторами сборника были В.П. Стрезикозин и заместитель министра М.П. Кашин.

Липецкий опыт не избежал и опасности эпитонства: именно эпитоны восприняли опыт не как целостную технологию, а только его «изюминки», т.е. начали искажать, «облегчать», отказываться от важных его составляющих. Причины понятны: это, прежде всего, непонимание главного, того, что это система, в которой нежелательны изменения элементов, замена, изъятие их. Липецкий опыт органично отторгал всё формальное, мёртвое, поверхностное. Помню, у меня на уроке русского языка инспектриса внимательно слушает, записывает что-то. После урока беседуем.

— У вас урок по-липецки, — делает вывод «проверяющая».

Соглашаюсь.

— Урок прекрасный, — продолжает. — Но нужно было дать ученикам 13 заданий, а у вас только 8.

Спрашиваю:

— Почему же непременно 13?

— Так надо, иначе это не по-липецки, — и ни малейшего понимания того, что́ — суть опыта, а что́ — его формальные признаки.

Думаю, что подобный «анализ» и требования имели место и в других школах, омертвляя, иссушая саму живую идею липецкого опыта.

Старшие поколения, изустно знавшие основные идеи липецких энтузиастов, понаввшие и принявшие их, уходили на пенсию. Взамен им в школы пришли учителя, которым в педучилищах и пединститутах в лучшем случае бегло рассказали о первом массовом новаторском движении учителей. В учебниках педагогики и в методиках — тоже лишь упоминание, без детального раскрытия сути. Исключение — монография Л.П. Федоренко «Принципы и методы обучения русскому языку», учебник Т.А. Ильиной «Педагогика». В книге Г.К. Селевко технология управления умственной деятельностью ученика дана под двумя фамилиями: К. Москаленко — С. Лысенкова. Вот так в сознании учителей современной начальной школы автором комментирования стала... С.Н. Лысенкова... Грустно, господа историки педагогики, методисты...

Сам же приём, метод, технология комментирования живы, но упрощены до проговаривания.

Итак, что же до сих пор «живёт и работает» из этого замечательного опыта?

- *Возможность учителя менять парадигму воспитания и обучения, искать оптимальную структуру урока.*
- *Гуманистический стиль взаимоотношений учителя и учеников, настроенность на работу и успешность ученика.*
- *Технология комментирования как управление познавательной деятельностью школьников.*
- *Фронтальный и уплотнённый опрос и другие методические находки.*

А главное — опыт живёт в самом Липецке и в области. Года два-три назад от своей стародавней коллеги Зинаиды Михайловны Стюфляевой получила дорогой подарок — небольшую брошюру со статья-



ми К.А. Москаленко. Позже, на Рождественских чтениях, услышала о русских школах в Елецком районе, о школе здоровья, о православной гимназии, с интересом и пользой прочитала пособия для учителей по педагогическому, историческому, географическому и литературному краеведению, добротные, с любовью и тщанием созданные преподавателями Елецкого педуниверситета при участии других работников образования и культуры. А в ноябре 2001 года мы с ведущим сотрудником Центра «Сельская школа» К.Л. Лисовой приехали в г. Елец. Всегда немного тревожно в такой поездке: что, если сложившееся от публикаций, встреч впечатление рассыплется при посещении школ? Не рассыпалось! Липецкие учителя, школы области не потеряли своего лица, работают уверенно, с опорой на традиции и новаторство. Каждая из школ, где мы в течение полного дня наблюдали за жизнью детей и их наставников, заслуживает обстоятельного разговора.

В рамках же проблемы липецкого опыта коснусь лишь наиболее ярких впечатлений.

Школа посёлка с поэтическим названием Ключ жизни, директор, очаровательная Галина Михайловна Малявина — руководитель умный, требовательный. Ольга Владимировна Меркулова — учитель начальных классов, отлично знает систему К.А. Москаленко и использует его рекомендации без внесения своих «изюминок». Её ученики живут в условиях радости, удовольствия от успешной учёбы.

...Урок литературы в 11-м классе у Натальи Александровны Михалёвой стал обобщением самостоятельной исследовательской работы в течение предшествующего месяца. Тема говорит словеснику и о самом учителе, и о его профессионализме, и о результатах обучения и воспитания в школе: «Елецкие реалии и тема «лёгкого дыхания» в творчестве Ивана Алексеевича Бунина». На уроке не было убого-скучного литературоведения, — звучал Бунин, его рассказы и стихи, музыка, были его ранние, редкие портреты, фотографии, реалии жизни и литература. Словом, творчество.

После урока попросила «исследователей» подробно рассказать, как они работали, какими источниками пользовались. Оказалось, архивисты работали с архивами местных газет в краеведческом музее («Нам разрешили работать в запасниках», — с восторгом говорили школьники), «биографы» изучали, сравнивали биографические данные по разным изданиям книг Бунина, воспоминания о нём...

В Екатериновской сельской основной (9-летке) школе — 10 факультативов и 14 кружков: драматический, хореографический, туристический, историко-народоведческий, цветоводства, рукоделия, лингвистики, химии, физики, хоровые кружки, спортивные секции... В хоре начальной школы — 30 ребят, пятого — девятого классов — 40.

Пока мы были в Екатериновской школе, мне всё время хотелось провести носовым платком по крашеным блестящим половикам в классах и коридорах одноэтажного приспособленного здания — так всё сверкало и дышало здесь чистотой. Николаю Николаевичу Макееву, директору школы, удалось сохранить в рабочем состоянии давным-давно приобретённые технические средства обучения и спальню-игровую, мебель для шестилеток. И это не музейные экспонаты 80–90-х годов — всё используется в учебно-воспитательном процессе. У школы хоккейная площадка — невидаль для сельских школ.

Но самое главное, о чём рассказали Николай Николаевич и Зинаида Николаевна Саввина — завуч (ею собраны методические разработки лучших уроков за несколько лет), — широкое использование липецкого опыта — старого, незаслуженно забытого школами страны, а здесь бережно сохранённого и на полную мощь «работающего».

Липецкая область, вопреки разрушительным указаниям бывшего министра-временщика Э. Днепрова и его последователей, сохранила и укрепила методические центры, кабинеты. Методическая работа в Елецком районе, возглавляет которую



Татьяна Ивановна Сапрыкина, — это постоянная учёба завучей, директоров, учителей, чётко спланированная, с обязательным посещением уроков, внеклассных занятий, родительских собраний с их последующим анализом.

Уважение к памяти выдающихся учёных и практиков, работавших в Липецкой области, проявляется не только в том, что школе присвоено имя К.А. Москаленко, но и в учреждении премий имени К.А. Москаленко и Г.И. Горской.

Среди ярких впечатлений — библиотека православной гимназии, методические пособия местных авторов, учителей... И школьники — подтянутые, приветливые, самостоятельные, выбравшие в качестве ценности не «пепси», а милосердие и православную русскую культуру.

Один из приёмов К.А. Москаленко — неизменный вопрос ребятам: «Что ты представляешь, слыша слово ...?» Вот стихи, рождённые на уроке в 4-м классе, в ответ на вопрос Галины Николаевны Ермаковой (школа в посёлке Ключ жизни): «Нарисуйте образ наречия»

Вот образы, которые нарисовали четвероклассники:

— Слово «высоко» произнеси —  
И представишь сразу неба синь.  
А скажи: «Кругом белым-бело!» —  
И увидишь зимнее село.

*Юля Воробьёва*

— С белых крыш свисает белый снег,  
Не видать под белым снегом рек.  
Холодно, морозно и темно,  
Зимний вечер рано заглянул в окно.

*Настя Соболева*

Возвращались мы из Ельца, полные впечатлений и... профессиональной грусти. Почему мы так расточительны по отношению к нашему педагогическому наследию? Именно наследию, а не наследству (наследство можно и промотать. Наследие же входит в нашу духовную сокровищницу). При всех наших инновациях, при безудержной погоне за «современными образовательными технологиями» рано нам сдавать в архив научновыверенный, тысячекратно апробированный в сотнях школ липецкий опыт. Не вернуться ли к нему? Не проштудировать ли старые книги, рекомендации да обсудить на секции методистов или учителей русского языка, литературы, истории — любого предмета! — как лучше в условиях полной творческой свободы управлять интеллектуально-познавательной деятельностью школьников, используя липецкий опыт.

А, коллеги?

#### ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

